

Средства выражения семантики «интенсивность» в языке А. П. Чехова

М. В. Фалдина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mashafald@gmail.com

Интенсификаторы, градуирование, средства номинации.

Summary. The paper represents results of the analyses of intensity units in texts of Anton Chekov. The results show, that intensity semantics is important for the writer, while he uses a wide range of different means, which belong to all levels of the language, to express intensity semantics.

Интенсивность – это семантическая категория, сочетающая в себе объективную и субъективную информацию. Смысл «интенсивность» может быть более или менее важен для разных авторов, что отражается в степени использования ими средств выражения данной семантики в текстах, в составе самих средств, поэтому изучение средств выражения данной категории в текстах является перспективным в рамках автороведения.

Нами проводился анализ интенсификаторов в языке А. П. Чехова (на материале электронного корпуса текстов). Цель анализа, с одной стороны, – выявить индивидуальные особенности речи автора, что в дальнейшем может стать основанием для более глубоких психолингвистических исследований. С другой стороны, на основе полученных данных сформировать полную картину функционирования средств выражения категории в речи отдельной языковой личности. В докладе будут представлены основные результаты проведенного анализа:

1. Усилительная семантика выражается в текстах А. П. Чехова на всех уровнях языка:

- фонетический уровень (*си-ильно пороли*);
- словообразовательный уровень (префиксы: *добела, премного, наацккуратнейший*; префиксоиды: *ежегодно, многолюдно, каждыйгодно*; суффиксы: *серьезнейший*, редупликация: *глубоко-глубоко, глупо-преглупо*);
- лексический уровень (наречия: *очень, совершенно*; прилагательные: *большой, абсолютный*; наречные выражения: *до зарезу*);
- морфологический уровень (компаративы: *боле, незатейливее*; темпоративы: *месяцами*);
- синтаксический уровень (сравнительные обороты: *ведите себя, как парниковое растение*; творительный падеж сравнения: *ветер выл волком; каким огнем сгорел бы лысый барон, если б мечта приняла форму действительности*; генитивные конструкции: *жар взаимной любви*; количественно-именные конструкции: *бездна комизма* и т. п.).

2. На словообразовательном уровне писатель пользуется не только уже присутствующими в языке средствами, но и создает неологизмы на основе действующих моделей: *наацккуратнейший, превыспренно, преисправно* и пр.

3. На лексическом уровне зафиксировано 308 наречий с семантикой интенсивности (около 15 тыс. употреблений) и 258 прилагательных (около 2,5 тыс. употреблений). Для сравнения: в «Словаре русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени» Г. И. Кустовой, созданного на базе Национального корпуса русского языка [1] зарегистрировано 226 наречий и 426 прилагательных.

4. А. П. Чехов активно использует лексические интенсификаторы, указывающие на негативные объекты или состояния: *инфернальную сферу, связь с животным миром (неконтролируемость), боль, страх, ужас:*

ужасно (383)
страшно (173)
страшный (148)
чертовски (53)
горько (44)

Всего отмечено более 60-ти лексем, встречающихся более чем в 1200 контекстах. Для сравнения: в словаре Г. И. Кустовой обнаружено чуть больше 40-ка интенсификаторов с указанием на негативный эталон.

1. В текстах А. П. Чехова встречаются нетипичные для русского языка примеры сочетаемости интенсификаторов: сочетания с существительными (*совсем пьеса, совсем Добролюбов, очень охотница, слишком татарин*), а также сочетания с фразеологизированными единицами типа *черт возьми, черт побери, черт тебя задеря, бог с N_m, черт с N_m* и т. п. (*Не понимаю, за что ты и любишь ее, бог с ней совсем...*)

Результаты исследования показывают, что смысл «интенсивность» очень актуален для А. П. Чехова. Данные, полученные при анализе, можно использовать, с одной стороны, в автороведческих целях, для дальнейшего изучения индивидуальной картины мира А. П. Чехова, с другой стороны, для расширения существующих списков лексических интенсификаторов, что актуально для исследования функционально-семантической категории интенсивности.

Литература

1. Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики: Сочетания слов со значением высокой степени. 2008 [http://dict.ruslang.ru/magn.php (дата обращения 02.10.2013)].

С точки зрения осьминога: лингвистические средства смещения фокуса эмпатии в сторону животного в статьях по этологии

Ю. С. Хукаленко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова / Владивосток

khukalenko.vl@gmail.com

Фокус эмпатии, этология, текст, субъект, объект.

Summary. The tendency towards humanization of biological sciences is embodied in linguistic features. The abstract is dedicated to the empathy as a specific mode of text organization. Shifting empathy focus creates *mental constructing device*, viewpoint bifurcation and also eliminates anthropocentric viewpoint monopoly.

Есть современные биологические работы, выполненные хотя бы в некоторой части «с точки зрения осьминога»

А. В. Олескин

В текстах этологической науки (науки о поведении) наиболее отчетливо прослеживается тенденция к общей гуманизации биологического знания. В биологии все больше говорят о гуманном отношении к животным, о «внутренней слитности» исследователя с познаваемым объектом. Однако такие представления противоречат идущему от классиче-

ской рациональности и весьма распространенному в наши дни тезису: человек познающий противопоставлен изучаемому им объекту как активное начало пассивному. Теперь, по мнению многих ученых, познающий субъект «должен рассматривать живую природу не как пассивный объект, а скорее как равноценного и активного партнера, который тоже, видимо, со своей стороны доступными ему средствами, познает человека» [3: 63].

Новое гуманистическое знание требует воплощения в новой языковой форме. Это проявляется в выборе лексики для номинации животного и его поведения, в выборе грамматических форм, конструкций и типов предложения; в общей

организация текста (субъектной перспективы, регистровой организации, ракурса подачи ситуации). Особый интерес в этом плане представляет собой понятие эмпатии.

Наиболее просто содержание эмпатии в языкознании определяет В. З. Демьянков: «человек «эмпатизирует» с референтом некоторой именной составляющей, если предложение устроено так, что видно, что говорящий смотрит на описываемую в предложении ситуацию как бы из-за спины этого референта (в частном случае отождествляет себя с ним)» [1: 373]. Соответственно, фокусом эмпатии называется «тот объект, с которым говорящий эмпатизирует» [1: 373]. Содержательная основа лингвистического термина эмпатия, является, скорее, психологической, и заключается в том, что «человек обладает способностью представить себя смотрящим на мир глазами другого человека или с его точки зрения и в том, что эта способность влияет на использование языка» [2: 313]. Эмоциональная вовлеченность исследователя и его особое, гуманистическое отношение позволяют распространить содержание понятия эмпатия не только человека, но и на животного, объекта биологического исследования.

То, каким образом, с какой точки зрения описывается ситуация, определяет тип научного этологического текста. Есть работы, написанные исключительно с точки зрения исследователя и тексты с подвижным фокусом эмпатии. В обоих типах будет доминировать информативный регистр, предполагающий объективный взгляд на ситуацию и модальную рамку «известно, что», однако во втором типе текстов допускается возможность перенесения в субъектную сферу изучаемого животного. В смещении фокуса эмпатии от исследователя к животному участвуют разнообразные языковые средства. Например: 1) Интерпретационные глаголы – глаголы, в которых вместо объективной номинации активности животного осуществляется перенос фокуса эмпатии в субъектную сферу животного и затем дается интерпретация этой активности: *предпочитать, слушаться запоминать, избегать, бояться, понимать, интересоваться* и мн. др.): *Через некоторое время животные утрачивали интерес к бездвигательной жертве и покидали ее.* Или: *Птенцы канадской казарки предпочитают следовать на звуки самки, которые они слышали в инкубаторе.* 2) Оценочные прилагательные: *Большинство лежек устраивается на склонах ложбин, т. к. там медведи лучше защищены от ветра. Но есть они и наверху разделяющих ложбины галечных гряд, преимущественно «верхних» лежек является более хороший обзор местности.* Когнитивная операция сравнения принадлежит, безусловно, человеку; однако обзор будет осуществляться медведями, и такая оценка дается с учетом их точки зрения. 3) Дейктические наречия: *Обитание в галлах, в том числе и подземных, в какой-то степени ограждает лискин и от врагов. <...> Правда, на начальных стадиях развития галла его стенки тонкие, достаточно мягкие и поэтому довольно «проходимы» извне.* На позицию наблюдателя внутри галла указывает наречие *извне*, а в фокусе эмпатии находятся животные, сами лискины, которые могут быть подвержены нападению со стороны их врагов. 4) Лексемы перцептивной семантики: *В обмен на сладкие выделения тлей (падь) муравьи защищают их от хищников. Сладкими выделения являются для муравьев.* 5) Частицы: *Каждый медведь источает крепкий запах, воспринимаемый даже человеком при приближении зверя на несколько метров.* Запах – это ощущение, предполагающее носителя восприятия; частица *даже* указывает на

то, воспринимающим субъектом (субъектами) в первую очередь является не человек, а другое животное.

Смещения фокуса эмпатии может создавать особый принцип организации текста, который мы условно назвали «ментальным конструированием». Это такой способ познания, при котором ученый пытается поместить себя в сознание изучаемого животного, а при вербальном оформлении происходит наложение двух субъектных сфер. Пример: *Самки могут ориентироваться на реакции себе подобных, как бы руководствуясь правилом: если этот самец подошел для соседки, он хорош и для меня.* Несмотря на то, что вторая часть высказывания оформлена с точки зрения животного (использование личного местоимения первого лица), субъектом речи является человек (животное им быть не может в силу экстралингвистических причин). Исследователь делает предположение относительно поведения птиц и переводит свои предположения в вербальную человеческую плоскость (с помощью частицы *как бы*), оставаясь в субъектной сфере животного.

В этологических текстах второго типа встречаются случаи раздвоения фокуса эмпатии: *Хотя для животных было бы весьма полезным приобретение отвращения к несъедобной пище не с помощью собственного опыта, а путем наблюдения за тем, как сородичи мучаются от рвоты и трут лапами морду или клюв, попробовав пищевые единицы определенного вида и запаха, исследования показали, что многие полагаются только на собственные ощущения.* Один и тот же объект называется то с точки зрения животного: *несъедобная пища*, то с точки зрения объективного наблюдателя: *пищевые единицы определенного вида и запаха.* Ситуация представлена как имеющая значимость для исследователя, испытывающего психологическую эмпатию к животному (для животных было бы весьма полезным, сородичи мучаются), и одновременно как объективно существующая и беспристрастно описываемая: *исследования показали, что многие полагаются только на собственные ощущения.*

Следует отметить, что традиция научного биологического описания предполагает антропоцентрическую монополию точки зрения. По этой причине фокус эмпатии в некоторых предложениях без контекста невозможно однозначно определить. *Медленно двигающийся медведь обычно не вызывает тревоги у окружающих.* В отрыве от контекста окружающими могут быть только люди, однако в тексте имеются ввиду окружающие медведи, сородичи. Или: *Тараканы, имеющие возможность ознакомиться с лабиринтом, покрашенным стеклянной пластинкой, так, что его можно видеть сверху, почти не нуждаются в дополнительном обучении, попав внутрь лабиринта.* Предикат *можно* допускает двойное прочтение: как с позиции человека, так и с позиции таракана; значит, фокус эмпатии здесь совмещает две субъектные сферы.

Литература

1. Демьянков В. З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор II) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1979. Т. 38. № 4. С. 368–380.
2. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. С. 277–317.
3. Шуков В. А. Образ биологической реальности как исходное обоснование философии биологии // Природа биологического познания. М., 1991. С. 55–69.

Об интенциях в системе лингвистических категорий

Т. М. Цветкова

Московский городской педагогический университет

tatt_33@mail.ru

Категории / функциональная грамматика, интенции / коммуникативные направления лингвистики.

Summary. The description and theoretical interpretation of not only grammatical but also functional-semantic categories have been received. Although the interest to communicative part of language demands the exposure of the categories which reveal the nature of the given object in a most adequate way. The report discusses the question of intention status as “notional categories” of communicative skills in the system of text / discourse.

1. Понятие «категория», наряду с понятиями «единица» и «уровень языка», относится к важнейшим инструментам

осмысления и описания языковых объектов, функционирования языка, самой природы языка, поэтому естественно